

Ю.Л.Ситько, С.О.Буданова

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА *СЛОВО*: ОТ ЛАВРЕНТИЯ ЗИЗАНΙΑ ДО ФЕДОРА БУСЛАЕВА

Статья посвящена описанию изменения значения термина слова в русских грамматиках от Лаврентия Зизаня до Ф.И.Буслаева. Демонстрируется, что в допетровских грамматиках термин слово должен соотноситься с современным понятием «предложение», а современному термину «предложение» следует сопоставлять речение. В статье показано, что изменения в направлении современного понимания начались в работах В.Адогурова, а завершились в грамматиках Ф.Х.Востокова и Ф.И.Буслаева. Полученные результаты позволяют значительно уточнить историю формирования отечественной лингвистической терминологии.

Ключевые слова: Слово, предложение, история лингвистики, Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Адогуров, Ломоносов, Барсов, Востоков, Буслаев

Предупреждение. Термин *слово* имеет достаточно длительную историю. Хотя много работ посвящено становлению русской грамматической науки и ее терминологии (среди них стоит отметить работы последних лет [0-3] и др.), вопрос об изменениях значения термина *слово* остается незамеченным. В доступной нам восточнославянской лексикографии *слово* толкуется в первую очередь как лексическая языковая единица, предмет мысли, который противостоит *предложению* (укр. *реченню*), а *речение* рассматривается как высказывание, совокупность слов¹. Наша работа призвана показать, что лексемы *слово* и *речение* в русских грамматиках имели несколько иное значение.

Термин *слово* как предмет исследования истории науки. В сущности, современное понимание слова — это представление о некоей строительной и потому строевой единице языка или — в некоторых концепциях — речи. Акад. Л.В.Щерба писал, что понятия «слово вообще» не существует» [8, с. 44]. Однако если согласиться с тем, что «слово» является лишь категорией «языка как системы» (*langue*), то «слово» представится в виде «кирпичей», из которых строится речь (*parole*)» [8, с. 176]. Акад. В.В.Виноградов в работе «Русский язык: грамматическое учение о слове» [9] представлял слово как внутреннее единство, которое зависит не только от взаимосвязи фонетического и грамматического состава слова, но и от единства значений. Слово — «фокус соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» [9, с. 22]. А.А.Реформатский во «Введении в языковедение» [10] видел в слове наиболее конкретную единицу языка, занимающую место, «среднее между морфемами (а также основами, формантами) как низшими единицами и предложениями (и другими синтаксическими единицами) как высшими» [10, с. 35].

В нынешней русистике слово — воспроизводимая значимая единица языка, оформленная фонетически и структурно-грамматически, соотносящаяся с предметом мысли или чувства, выступающая элементом

¹ «Словарь русского языка XI—XVII вв.» не различает в лексеме *слово* значений ‘лексема’ и ‘результат высказывания, речь’, хотя идея лексемы превалирует: «1. То, что сказано, слово; речь. Ъгда же Пилатъ се слыша слово, паче ѹбога си. (Ио. XIX, 8) Остр.ев., 183 об. 1057 г. Нх многомъ чѣ ѹщемъ препираа ѹпротивьники прогонаше и словеса нхъ мѹдрага обличаше. (Ж.Феод.Студ.) Выг. сб., 147. XII в. || Высказывание, изречение. Паче же бляди словеса его, не дажь ни единомѹ словеси его пагчи на земли, дражьша бо бнѣр(а) сѹть сѣла словеса. Изб.Св. 1076 г., 179. *Словеса душепользная*. Там же, 158. || Словестный образ, знак, символ. Сѣѹта въ чѣмѣ инанца въ чѣмѣ зырѣчи не възхотѣвъше, ни ино множытво възѹмнѣвъша словеса его. (Похв. о Лазаре) Усп.сб., 371. XII—XIII вв.» [4, с. 98]. Лексема *речение* в этом словаре толкуется как «То, что сказано; слова, речь. И чѣ великѣ бывъ малѣ бытъ, по реченню Псалмиз: възходатъ до нѣбъ и низъходатъ до прѣимподннхъ. Патерик Син., 314. XI в.». Аналогично «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» [5, с. 429-430]. Похожую ситуацию находим в украинистике. «Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.» не знает лексемы *речення* как и лексемы *предложение*, но находим в нем такие толкования слова с соответствующими примерами: «1. (мовна одиниця як вираження предмета думки) слово (9): *такоже слобуємъ о коломыю.. по покутее, отъ нашиъ г(с)дрѣ, стефанъ, не имаетъ ни одно (!) слова речи* (б. м. н., 1395 *Cost.* II, 610). 2. (графічний знак) слово (1): *Вы стыи о(т)ци читте але не к(л)ингѣте которое емъ слово... о(т)писал а которы мѣсть лѣ(н)ше оправляйте* (б. м. н., 1492 ЗОЕ); *(те, що написане) текст* (2): *а к чомѹ лигтовн псчать нашу забѣсилн сѣмы, на потвержѣннѣ чѣмъ словомъ* (Перемишль, 1391 *P* 45)» [6, с. 36]. Из контекста трудно понять, в каких примерах мы имеем дело со значением ‘лексема’, а в каких со значением ‘текст’ или ‘символ’. Аналогично «Словник української мови: в 11 т.» для лексемы *словеса* не различает значения ‘слово’ и ‘предложение’, а вот лексеме *речення* однозначно приписывается значение «1. Граматично та інтонаційно оформлена цілісна мовна одиниця, яка є основним засобом формування та вираження думки. *Речення є тими завершеними мовними величинами, що безпосередньо складаються у процесі мовлення*. 2. Сполучення слів, що становить короткий вираз. *Кождий такой документ будив у його пам’яті спомини подібних і неподобних скандальних історій, речень, анекдотів, і все те він.. записував.. так старанно, мов не знати які дорогі скарби*» [7, с. 366].

предложения [11], соотносимая и включающая в себя «указания на грамматическую характеристику слова» [12, с. 56]. Г.А.Золотова в «Коммуникативных аспектах русского синтаксиса» [12] утверждала, что слово может быть соотнесено с другими словами, как с лексическими единицами, не выходя за пределы данного уровня. Оно не является синтаксической единицей и не может быть соотнесено с предложением. Принято, что слова делятся на морфемы — отрезки, «имеющие каждый то или иное значение в данном языке» [13, с. 10]. Н.Ю.Шведова, главный редактор II тома «Грамматики русского языка 1980», во «Введении» указывала, что слова неоднородны: они, «как лексемы, объединяющиеся в грамматические классы (части речи) и лексико-грамматические разряды», считаются носителями лексико-грамматических значений [14, с. 5]. Такая отдельная единица наделяется постоянным значением, основанным «на диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания» [15, с. 63] и это значение следует искать в сопоставлении слова с определенным понятием и в его связи с другими словами. Слово как единица языка в последние годы трактуется в связи с особым метаязыком, содержащим своего рода семантические атомы: лексическое значение слова должно определяться через более простое до тех пор, пока не будет сводиться «небольшому набору элементарных значений — слов семантического языка» [16, с. 95]. Акад. В.А.Плунгян в работе «Общая морфология: Введение в проблематику» [17] уже вместо «слова» использует понятие «словоформа», говорит о ней как о «морфемном комплексе», между частями которого работают связи [17, с. 18], что показывает, что и современное представление о слове нельзя считать окончательным.

Значения термина *слово* в старых русских грамматиках. Слово было фокусом языковой проблематики средневековой Руси. Максим Грек (1475, Арта — 21 января 1556, Сергиев Посад), афонский монах и переводчик, стоявший у истоков отечественной грамматической мысли и испытавший и греческое, и латинское влияние, в работе «Беседование Максима Грека о пользе грамматики» [18] прямо пишет не столько о важности понятия «слово», сколько о его неопределимости: «*Оно ѹбо пребѣлнѣйшее дѣло же и слово, не достижно ни естъ, и зѣло не достижно ни естъ, и зѣло выше силы моего, и тонкословно: и не лѣтъми изглаголати о немъ*» [18, с. 16]. Обратим внимание на то, что слово — «дѣло», а не только «слово»: уже тут проступает процессуальное представление о слове наряду с субстанциональным, которое привычно современному читателю.

«Грамматика...» Лаврентия Зизания. «Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частіи слова» [20, л. 1596] Вильно, 1596 г., написана Лаврентием Ивановичем Зизанием (20 марта 1550, Тустань — 1634, Корец) — протоиереем, ученым, переводчиком, педагогом, который, как считают, стремился подвести славянский язык под греческую и латинскую грамматики (об этом упоминает Н.А.Засадкевич в работе «Мелетий Смотрицкий как филолог» [20]) и соединить таким образом тогдашнюю школу западной Руси европейской школьной традицией.

Зизаний то, что сейчас называется словом, называл речением, которому дал прямое определение как части слова: «*Речѣніе ѣсть, част малѣѣ шлоба ѣзймѣма. ѣко, хѣднѣтѣ [хѣднѣтѣ в данном фрагменте является примером при определении речения — С.Б. и Ю.С.]*» [19, л. 15, об.]. В конце своей грамматики Лаврентий Зизаний также приводит некоторый список слов в алфавитном порядке, названный «*Лексис. Сѣрѣтѣ Речѣніѣ, ѡзкрѣтѣтѣ събрѣніи*» [19, л. 93, об.]. *Лексис* в переводе с греческого означает 'слово', 'речение' (в работе сильно влияние греческой грамматики). Обратим внимание на то, что *речение* связывается с понятием лексики и лексикона — словаря.

Зизаний говорит о речении, как о некоторой лингвистической единице, которую можно считать самостоятельной: *ее можно «изымать» из «слова»*. Обратим внимание: *слово* в нашем современном понимании и *речение* у Зизания обозначают одно и то же. Зизаний говорит, что рассматриваемый термин составляет только малую часть от слова, выделяется из его состава. Речение обладает лексическим значением и воспроизводимостью. Подумать, что речение — то же, что и слог, невозможно: «*Бывѣе въ началѣ речѣніѣ слѣгъ...*» [19, л. 3, об.]; «*Бегѣ речѣніѣ кѣчѣмый слѣгъ ѣсть...*» [19, л. 7]; «*Речѣніе ѣже ѣдетѣ имѣтѣн слѣгъ кѣчѣмы краткѣй...*» [19, л. 7, об.]. *Речение* в толковании Зизания понимается как аналог современного термина слова и словоформы соответственно. Оно делится на слоги — особые речевые единицы. Важно притом отметить, что они неидентичны морфемам, представленным как словообразовательные единицы — понятия о морфеме и термина для него у Зизания просто не было.

В «Грамматике» находим и такое утверждение: «*Слово ѣсть речѣніѣ сложѣніе. ѣже ѣвлѣетѣ мыслѣ смогъкѣшѣнѣ*» [19, л. 16], — и тут же пример: «*ѣко, пѣкѣлѣ въ хрѣмѣ хѣднѣтѣ*». Итак, *слово* представляет собой собрание *речений* — того, что обозначает слово в его современном понимании. Мы приходим к выводу о том, что Зизаний называл «словом» то, что сегодня называется предложением, выражающим «самосовершенную», законченную мысль. *Слово* имеет и план содержания, и план выражения. Показательно, что Зизаний не приводит в пример случайный набор слов, «сложение речений» понимается как система, так как из нее можно «изымать» «речения», Лаврентий Зизаний не мыслит слово вне предложения. Поэтому поскольку «речение» может выделяться, оно не просто равно слову, «речение» — носитель функции, в которой реализуется лексическая единица в «слове». Соответственно, представление о «речении» у Лаврентия Зизания ближе к понятию словоформы, так как она может функционировать только в системе «слово — предложение».

на единицы синтаксического плана в его связи с явлениями речемышления, а значит, Ломоносова можно бы рассматривать как терминологического последователя Зизания и Смотрицкого. Однако лучше показывают искомые сходство и разницу с современной терминологией контексты слова *речение*.

Термин *речение* у Ломоносова соответствует современному слову: «произношеніе голоса въ одномъ складѣ припрягается другимъ складамъ. Таковыя сложенія производяшъ оныя многоразличныя отмены, изъ которыхъ раждаются знаменательныя *части слова, то есть реченія* [выделение наше — С.Б. и Ю.С.]» [23, с. 20]; «Реченія Россійскія состоятъ, 1) изъ двухъ или многихъ складовъ» [23, с. 50]. Склады по Ломоносову — это сочетания гласного с согласным, представляющие собой аналоги современных слогов. Он имеет в виду сложения слогов, один из которых обязательно ударный. В отдельных случаях склад может быть равен речению. Говоря о высказывании, Ломоносов предлагал способы «выключить скучныя повторенія одного реченія» [23, с. 24], а также отмечал естественную для языков тенденцию к упрощению речи — «къ сокращенію слова» [23, с. 29].

Но в терминопотреблении Ломоносова есть и расхождения с традицией Зизания и Смотрицкого. Ломоносов воспроизводит утверждение Смотрицкого о том, что *слово* имеет «осмь частей знаменательныхъ» [23, с. 26] и в этом, безусловно, подразумеваются части речи. По мнению Ломоносова, «сложеніе знаменательныхъ частей слова, или реченій, производитъ рѣчи» [23, с. 39]. Надо предполагать, «речение» в приведенном фрагменте называет не предложение, как это было и у Зизания и Смотрицкого, а «части слова», то есть слова, рассматриваемые в их отношениях к частям речи как грамматическим классам. Приходится думать, что термин «речь» Ломоносова следует соотносить с современным термином «высказывание». Речь как высказывание, таким образом, состоит из «частей слова, или речений». Можно предположить, что здесь Ломоносов и вводит новое для своего времени и грамматической традиции, в которой он находился, представление о предложении в его теперешнем толковании: «Сложение знаменательныхъ частей слова, или рѣчений, производитъ рѣчи, полной разумъ в себѣ составляющія, черезъ снесеніе разныхъ понятій» [23, с. 38]. Действительно, речь, как выражение «разума», являющегося отношением различных понятий, будучи ему изоморфной, необходимо должна обладать признаком предикативности. Это позволяет утверждать, что термин *речь* у Ломоносова в данном случае употреблен как аналог сегодняшнего термина *предложение* и не может быть соотнесено с современными значениями ‘способность говорить, выражать словами мысль’, ‘тот или иной вид, стиль языка, слог’, ‘звучащий язык; индивидуальная манера говорить’, ‘разговор, беседа; то, что говорят’, ‘публичное словесное выступление’.

Из сказанного видно, что уже у Ломоносова термин *слово* перестает указывать на предложение как на предикативную единицу речи, и в этом плане его заменяет термин *речь*.

«Российская грамматика» А.А.Барсова. В «Грамматике» члена Российской академии Антона Алексеевича Барсова (1 марта 1730, Москва — 21 декабря 1791, Москва) находим использование термина *речение* в значении ‘слово’: «Изъ предложенаго предъ симъ явствует, что как реченіе можетъ состоять изъ одного слога, а слогъ изъ одной буквы, то и реченіе также состоятъ можетъ изъ одной буквы то. ес. гласной» [24, с. 63]. И далее: «Реченіе или слово есть изображеніе голосомъ, а по тому <и> буквами, одной час<т>ной мысли, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ» [24, с. 63]. Обратим внимание на то, что в последней цитате термины *речение* и *слово* отождествляются, что дает нам основание говорить о том, что именно грамматика Барсова лежит у истоков современного значения термина *слово*.

Логично предположить, что А.А.Барсов испытывал сильное влияние латинской грамматической традиции и его терминопотребление было направлено на унификацию русской терминологии с латинской, хоть и через калькирование. В пользу такого предположения говорит цитата с термином *предложение* и дальнейшими примерами, которые, как видно из вышесказанного, до Барсова иллюстрировали *слово*: «Предложеніе (propositio) есть рѣчь полный смыслъ имѣющая, на пр. Начало премудрости есть страхъ господень; Всѣ люди суть смертны; или съ пропусченіемъ словъ есть и суть, как то по большей части употребительно въ російскомъ языкѣ²: Начало премудрости страхъ господень; Всѣ люди смертны» [24, с. 63].

Поскольку наша цель лежит в иной плоскости, мы лишь ограничимся предположением, что А.А.Барсов, переосмысливая имевшиеся грамматические термины, стремился к своего рода семантической унификации русской терминологии с европейской. И результаты такой унификации, как видим, совпадают с результатами Адодурова и частично Ломоносова.

«Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная» А.Х.Востокова. А.Х.Востоков (16 марта 1781, Курессааре — 8 февраля 1864, Санкт-Петербург) на первых страницах «Русской грамматики...» говорит, что «слова составляются изъ звуковъ голоса, изображаемыхъ буквами» [25, с. 2]. Как видим, Востоков понимает слово как воспроизводимую языковую единицу, состоящую из звуков и изображаемую литерами. И в этом употреблении уже нет места для представления о *слове* как о предложении. Приведем и другие примеры: «Гласна буква одна, или въ соединеніи съ согласными и полугласными произносимая, составляетъ слогъ. Слова, по числу слоговъ, бываютъ: Односложныя, <...> Двусложныя, <...> Мно-госложныя...» [25, с. 3]; «В словахъ двусложныхъ и многосложныхъ одинъ слогъ произносится съ повышеніемъ голоса, которое названо удареніемъ» [25, с. 3]. Итак, Востоков уже не пользуется термином *речение*, оно исчезает, замененное *словом*.

² Невредно отметить, что А.А.Барсов в своем определении вводит проблему, фальсифицирующую концепции логических грамматик, указывая на возможность «пропуска» предиката предложения.

В грамматике Востокова *слово* последовательно встраивается в новую терминологическую систему: «Соединение словъ, служащее къ выраженію мыслей, называется речью» [25, с. 3]; «Рѣчь есть соединение словъ, выражающее мысли вообще. Но когда рѣчь ограничивается выраженіемъ одной мысли, тогда она называется предложениемъ» [25, с. 193]. Отметим, что слова *соединяются* и образуют *речь*, причем *речь* выражает «мысли вообще», а «предложение» — только одну. Надо думать, что понятие речи у Востокова более обще и включает в себя понятие предложения.

«Учебник русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою» Ф.И.Буслаева. «Учебник русской грамматики...» [26] Ф.И.Буслаев начал так: «Слово состоитъ изъ одного или изъ неѣсколькихъ слоговъ; потому слова бывають односложныя, напр. да, но; или многосложныя, напр., мѣ-ра, хо-ро-шо. Въ произношеніи подчиняемъ слоги многосложнаго слова одному, на которомъ возвышемъ голосъ или дѣлаемъ удареніе; напр. бѣда, свидѣтельство» [26, с. 33]; «Слова бывають простыя. Напр. вода, падать, и сложныя, напр. вод-о-падъ. Простыя слова состоятъ изъ корня и окончанія» [26, с. 33]. Как видим, термин *слово* уже рассматривается с акустико-артикуляционной и морфологической точек зрения: всякая связь со значением, указывающим на предикативную единицу, утрачена.

Вместо термина *слово* последовательно используется термин *предложение*: «Во всякомъ предложеніи должно отличать: 1) самую материю или содержаніе предложения, т.-е. назвія понятій и представлений, входящихъ въ составъ предложения, и 2) способъ сочетанія ихъ въ предложеніи» [26, с. 113]; «Содержаніе предложения выражается отдѣльными словами, означающими или предметъ (имя существительное), или дѣйствіе (глаголь), или свойство и число (имя прилагательное и числительное); сюда же принадлежать и нарѣчія, произведенныя отъ именъ и глаголовъ» [26, с. 113]; «Отдѣльныя слова тогда только могутъ составить предложеніе, когда будутъ сложены одно съ другимъ: 1) по способу согласованія, или 2) по способу управленія словъ» [26, с. 114]. Как видим, составляющими *предложения* являются *слова*, выражающие определенные понятия и имеющие частеречное значение предмета, действия, свойства, числа, а также наречия. Этот взгляд совпадает с современной нам терминологической практикой.

Заключение. Итак, у *слова* долгая история, представление о нем менялось.

Максим Грек считал, что слово является носителем божественного начала, у Лаврентия Зизания и затем у Мелетия Смотрицкого *слово* употреблялось как аналог современного термина «предложение», а аналогом современного термина *слово* приходится признать *речение*.

Можно было бы подумать, что смена значения термина *слово* начинается с Ломоносова, но смена значения началась еще до публикации «Грамматики русского языка»: уже в грамматике Адодурова слово в его сегодняшнем понимании называется именно термином *слово*, а не «речение». Терминологическая практика Адодурова долгое время оставалась неизвестной, и поэтому нюансы в употреблении термина *слово* у Ломоносова кажутся нам оригинальными нововведениями. Интересно, что позиция Ломоносова не нашла продолжения в грамматиках: младший современник Ломоносова Барсов был учеником Третьяковского, друга Адодурова. Думаем, это «сродство» повлияло на терминологию Барсова.

Процесс изменения значения слова *слово* осознанно или неосознанно завершил Ф.И.Буслаев.

Дальнейшие пути русской терминологии лежали уже в плоскости возвращения хотя бы некоторым словам соотнесенности с предложением: Потебня стремился наделить глаголы соотнесенностью с предложением, эти взгляды подхватывали и марристы (Ф.П.Филин и С.Д.Кацнельсон) и их оппоненты (В.В.Виноградов и следовавшая в русле его идей Г.А.Золотова с ее представлением о синтаксемах). Но *слово* окончательно в русской грамматике стало словом.

1. Попова Л.А. Грамматика Лаврентия Зизания. Омск, 2006. С. 218-220.
2. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая личность первых славянских грамматистов (На материале грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 71. С. 720-734.
3. Бельчиков Ю.А. Место М.В.Ломоносова в истории русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 20-29.
4. Словарь русского языка XI—XVII вв. Выпуск 25 (Скорынья — Снульный). М.: Наука, 2000. 273 с.
5. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31. Рушаючы — смушэньне / Склад. І.У.Будзько [і інш.]; пад рэд. А.М.Булыкі. Мінск: Беларус. Навука, 2011. 507 с.
6. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.: У 2 т. / Укл.: Д.Г.Гринчишин, У.Я.Єдлінська, В.Л.Карпова, І.М.Керницький, Л.М.Полюга, Р.Й.Керста, М.Л.Худаш. Київ: Наукова думка, 1977—1978. Т. 1—2.
7. Словник української мови: [В 11 т.] / АН Української РСР, Ін-т мовознав. ім. О.О.Потебні; редкол.: І.К.Білодід (голова) [та ін.]. Київ: Наук. думка, 1970—1980.
8. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. Л.: Известия Академии наук союза СССР. 1945. Т. IV. Вып. 5. 175 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А.Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А.Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 270 с.
11. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 239 с.
12. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 363 с.
13. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 676 с.
14. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 662 с.
15. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
16. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. М.: Восточная литература РАН, 1995. 365 с.

17. Плу́нган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
18. Грек Максим. Беседование Максима Грека о пользе грамматики. М., 1782. 79 с.
19. Зизаний Л.И. Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми части слова. Вильно, 1596. 96 л.
20. Засадкевич Н.А. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса: тип. П.Францова, 1883. 206 с.
21. Смотрицкий М. Грамматика Славенския правилное синтагма. Евье, 1619. 252 л.
22. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 222 с.
23. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Императорская Академия Наук, 1775. 205 с.
24. Барсов А.А. Российская грамматика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
25. Восток А.А. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1844. 355 с.
26. Буслав Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной съ церковнославянскою. М.: Тип. Э.Лиснера и Ю.Романа, 1896. 195 с.

References

1. Popova L.A. Grammatika Lavrentiya Zizaniya [Grammar by Laurentius Zizania]. Omsk, 2006, pp. 218-220.
2. Ariskina O.L., Dryangina E.A. Yazykovaya lichnost' pervykh slavyanskikh grammatistov (Na materiale grammatik Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo) [Linguistic personality of the first Slavic grammarians (On the material of the grammars by Laurentius Zizania and Meletius Smotritsky)]. Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2011, no. 71, pp. 720-734.
3. Bel'chikov Yu.A. Mesto M.V.Lomonosova v istorii russkogo literaturnogo yazyka [The role of M.V. Lomonosov in the history of Russian literary language]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 2011, no. 3, pp. 20-29.
4. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. Vypusk 25 (Skoryn'ya — Snulyy) [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries. Issue 25 (Skorynja - Snuly)]. Moscow, 2000. 273 p.
5. Gistarychny sloŭnik belaruskay movy [Dictionary of Belarusian Language], iss. 31. Rushayuchiy — smushchen'e / Sklad. I.U.Budz'ko [i insh.]; pad red. A.M.Bulyki. Minsk, 2011. 507 p.
6. Slovník staroukrajinského jazyka XIV—XV st. [Dictionary of Old Ukrainian Language XIV-XV centuries]: U 2 t. / Ukl.: D.G.Grinchishin, U.Ya.Čedlinská, V.L.Karpová, I.M.Kernits'kiy, L.M.Polyuga, R.Y.Kersta, M.L.Khudash. Kiiv, 1977—1978. Vol. 1—2.
7. Slovník ukrajinského jazyka [Dictionary of Ukrainian Language]: [V 11 t.] / AN Ukraïnskôj RSR, In-t movoznav. im. O.O.Potěbni; redkol.: I.K.Bilodid (golova) [ta in.]. Kiiv, 1970—1980.
8. Shcherba L.V. Ocherednye problemy yazykovedeniya [Topical issues in linguistics]. Leningrad, 1945. Vol. IV, iss. 5. 175 p.
9. Vinogradov V.V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about a word)]. Moscow, 2001. 720 p.
10. Reformatskiy A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. Moscow, 1996. 270 p.
11. Shanskiy N.M. Ocherki po russkom slovoobrazovanii i leksikologii [Essays on Russian Word Formation and Lexicology]. Moscow, 1959. 239 p.
12. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow, 1982. 363 p.
13. Grammatika russkogo yazyka [Grammar of the Russian language]. Vol. 1. Fonetika i morfologiya. Moscow, 1960. 676 p.
14. Grammatika russkogo yazyka [Grammar of the Russian language]. Vol. 2. Sintaksis. Moscow, 1980. 662 p.
15. Shmelev D.N. Sovremennyy russkij yazyk. Leksika [Modern Russian Language. Lexis]. Moscow, 1977. 335 p.
16. Apresyan Yu.D. Selected works. Vol. I. Moscow, 1995. 365 p.
17. Plungyan V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General Morphology: general issues]: Uchebnoe posobie. Izd. 2-е, ispravlennoe. Moscow, 2003. 384 p.
18. Грек Максим. Беседование Максима Грека о пользе грамматики [Maximus the Greek on the usefulness of grammar]. Moscow, 1782. 79 p.
19. Зизаний Л.И. Грамматика словенска s"vershennago iskusstva osmi chastii slova [Grammar of the Slav language in eight parts]. Vil'no, 1596. 96 p.
20. Засадкевич Н.А. Мелетий Смотрицкий как филолог [Meletius Smotritsky as a philologist]. Odessa, 1883. 206 p.
21. Смотрицкий М. Грамматика Славенския правилное синтагма [Slavonic Grammar with Correct Syntax]. Ev'e, 1619. 252 p.
22. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики) [The first Russian grammar in Russian (Studies of the Russian language before the epoch of Lomonosov)]. Moscow, 1975. 222 p.
23. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Russian grammar]. St. Petersburg, 1775. 205 p.
24. Барсов А.А. Российская грамматика [Russian grammar]. Moscow, 1981. 776 p.
25. Восток А.А. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [The shortened Russian grammar of Alexander Vostokov]. St. Petersburg, 1844. 355 p.
26. Буслав Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной s" tserkovnoslavjanskoyu [Textbook of Russian grammar, brought together with the Church Slavic]. Moscow, 1896. 195 p.

Sit'ko Yu.L., Budanova S.O. Changes in the meaning of the term "word": from Lavrentiy Zyzaniy to F.I.Buslaev. The article is devoted to describing changes in the meaning of the term "word" in the Russian grammar books from Lavrentiy Zyzaniy to F.I.Buslaev. It is shown that the term "word" in the first grammar books before Peter the Great is to correspond to the modern concept of "sentence", and the modern term "sentence" is to be compared to the term "recheneie" (expression). The article shows that changes in the modern understanding began in the works of V.Adodurov, and completed in the grammar books of F.Kh.Vostokov and F.I.Buslaev. The obtained results allow us to significantly clarify the history of the formation of the Russian linguistic terminology.

Keywords: word, sentence, history of linguistics, Lavrentiy Zizaniy, Melentiy Smotritsky, Adodurov, Lomonosov, Barsov, Vostokov, Buslaev.

Сведения об авторах. Юрий Леонидович Ситько — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ в г. Севастополе; ORCID: 0000-0001-6303-5022; yurii.sitko@gmail.com; Светлана Олеговна Буданова — студентка III курса направления подготовки 45.03.01 «Филология» Филиала МГУ в г. Севастополе, кафедра русского языка и литературы; ORCID: 0000-0001-5099-6924; lanabudanov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.